

Новая Польша 1/2010

0: ОПЫТ ВОЙНЫ

О том, как люди внутренне переживают эту войну, которая ведется за концепцию мира и человека и тем напоминает религиозные войны, по сути дела известно крайне мало. Почти единственный источник знаний — размышления над собственным опытом, но и тут нелегко отдать себе в нем отчет: мешает отсутствие приспособленного к новым испытаниям языка, а мы знаем, как привычный язык деформирует даже самые искренние ощущения. Пример тому — многочисленные и чаще всего неудачные попытки придать свежим военным переживаниям литературную форму. О европейском опыте войны станет известно только тогда, когда он станет фактом общественным, то есть приземлится на почву новых философских и художественных течений, когда он будет закреплён в борьбе с творческим материалом — в слове, камне, краске, звуке. Конечно, я веду речь не о закреплении военной тематики — она дело второразрядное, — но об общей атмосфере, о смене внутренних пропорций, на что великий коллективный опыт не может не оказать влияния.

Между тем мы осуждены читать в себе самих. Поскольку личный тон в этом случае вполне оправдан, скажу, что я вижу некоторую внутреннюю логику и внутреннее развития моего отношения к военной действительности — и, может быть, это не только и исключительно мой удел. Я стараюсь выделить, обвести контуром это сплетение болезненных вопросов и, когда это хоть частично удастся, прихожу к выводу: существует нечто такое, что можно бы назвать специфическими военными переживаниями, и это какой-то механизм, о котором можно рассуждать, подобно тому как рассуждают о любовных переживаниях или о механизме жестокости.

Но дать названия частям этого сложного механизма — это, пожалуй, в настоящий момент недоступно. Поэтому нужно прибегнуть к помощи писателей, которые стремились передать если не такие же, то по крайней мере схожие чувства. Мне приходит на ум «Война и мир» Толстого. В поисках аналогии (хотя полной аналогии тут быть не может) мы нередко останавливаемся на наполеоновских войнах. Хотя и довольно невинные по сравнению с наступлением доктрины национал-социализма, для людей того времени они, должно быть, оказались столь же сильным потрясением, особенно в их наиболее яростных и кровавых формах — в Испании и России. Два самых серьезных документа войны в европейской культуре: рисунки Гойи и «Война и мир» — даны нам испанцем и русским; если это случайность, то во всяком случае выразительная. «Война и мир» написана через несколько десятков лет после событий, составляющих ее тему, и уже представляет собой полемику с наполеоновской легендой. Однако великая писательская интуиция Толстого оказалась способной преодолеть временную дистанцию (а может, как раз эта дистанция доставила необходимые средства) и дать проницательный анализ явления, о котором идет речь. Хорошие книги живут достаточно богатой и сложной жизнью, чтобы каждое поколение могло найти в них свою собственную злободневность. Так и роман русского писателя содержит фрагменты, которые для участников дьявольского зрелища приобретают совершенно новую выразительность. Поэтому есть смысл призвать эти фрагменты как свидетельство и, используя их как предлог, попробовать хоть чуть-чуть продвинуть наше самопознание.

В войне 1812 года уже существуют, хотя еще очень легкие, акценты тотальной войны. Горящая Москва и массы повозок на охваченных паникой дорогах близки сегодняшнему пониманию. Вид на войну глазами ее гражданского участника — вот что особенно сближает с нами некоторые части толстовской эпопеи, а история Пьера Безухова в критические для России дни — исследование опыта войны, достойное пера самого подкованного философа.

Пьер был в «состоянии, близком к безумию». Его охватило чувство неясного, но сильно испытываемого долга, необходимость любой ценой принять деятельное участие. Руководимый этим безумием, он совершенно утрачивает способность реальной оценки событий, пребывает в мире, больше похожем на галлюцинации, чем на явь. Функции рассудка совершенно заторможены. Вопреки инстинкту самосохранения, который скорее повелевал бы ему бежать вместе со всей богатой Москвой, к которой Пьер как аристократ принадлежит, — он плывет против течения и остается. Туманный, непонятный ему самому императив кристаллизуется в чудаческое решение: заколоть кинжалом Наполеона как виновника всех несчастий отечества. В подлинность этого решения он сам не вполне верит. Всё происходит, как сказали бы мы сегодня, в подсознании. Существенные мотивы остаются ему неизвестными — но где-то глубоко таящаяся солидарность с судьбами всего народа и жажда пожертвовать собой (не без умиления своей предполагаемой смертью) должны найти какую-то точку опоры снаружи — в сознательной части его «я». И он создает такую точку опоры, как пчела, строящая большую ячейку сот для пчелиной матки под натиском таинственного инстинкта.

Намерение убить Наполеона фантастично и нереально, но оно оправдывает пребывание Пьера в Москве, по крайней мере поначалу, потому что потом где-то незаметно развеивается: мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Вот первый этап военных переживаний, эмоциональный фон: разрушение равновесия между сознательной и бессознательной частями человеческого существа и подчинение, большее чем когда-либо, инстинктам, назвать которые испытывающий их человек не способен, а если называет, то довольно грубо их искажает. Это инстинкты, как видно на примере, совсем не обязательно низкие и чисто биологические — они могут обладать прекрасным моральным блеском, но они превосходят способность восприятия индивидуума, принадлежа к сфере великих массовых восторгов, часто выражающихся скудными словами или совершенно бесполезными, на взгляд здравого разума, делами. Всякий, кто припомнит осень 1939 года и метание человеческих дробин, из которых одни рвались на восток, другие — на запад, когда для одних оказаться в том месте, откуда как раз трогались другие, было целью, достигаемой путем величайшего самопожертвования, — согласится, что ими, должно быть, владели какие-то могущественные силы, возникшие из скрещения личных навыков и склонностей с так или иначе ощущаемым чувством солидарности (быть вместе: с семьей, с родным городом, с армией, с партией, со своей средой — решения множились, и в зависимости от того, что побеждало, индивидуумы выбирали то или иное направление). Несомненно, у этих дробин были какие-то свои доводы, и они словесно сообщали эти доводы другим дробинкам. Но доводы эти были по преимуществу мнимыми, и, обосновывая свое поведение, говоря: так и так поступить лучше, потому что... — люди помещали вслед за этим «потому что» причину крохотную в сравнении с огромной стихией, несшейся через них.

Таким образом, первый слой основан, быть может, на большей, нежели в мирное время, зависимостью от скрытого тока, проходящего сквозь тело общества, — благодаря чему даже самый темный человек становится деятельным участником процессов, намного превосходящих его восприятие; интеллект тут не слишком пригодится — «состояние, близкое к безумию» оказывается состоянием интеллектуального разоружения, оно рождается из чувства интеллектуальной незащитности перед внутренним повелением (идти, действовать, выполнять приказы, быть вместе со всеми и т.п.). За этим приходят новые элементы: вид человеческой жестокости и личная нищета — нищета в библейском значении этого слова, то есть смерть близких, голод, унижение.

Пьер Безухов, схваченный французскими солдатами, отданный под суд и приведенный на место казни, смотрит, как расстреливают «для примера» его сотоварищей, наудачу выхваченных из московской толпы. Все детали казни рисуются перед ним с огромной ясностью: обморочные взгляды осужденных, которые до конца не верят, что это произойдет; нервозность и беспокойство расстреливающих солдат; поспешное засыпание еще шевелящихся и дергающихся тел. «Все, очевидно, несомненно знали, что они были преступники, которым надо было скорее скрыть следы своего преступления». Под влиянием этого зрелища у Пьера происходит — не в сознании его, а в тех глубинных, расшевеленных войной залежах — внезапный перелом, внезапный выход за тот круг, в котором мы пребываем, когда живем в традиционно накопленных веками убеждениях. «С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым, и всё завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога». Это второй слой опыта войны — его можно назвать утратой веры в цивилизацию. Живя среди ценностей, накопленных трудом поколений, в который складывались усилия святых, мыслителей, художников, человек пребывает в определенных рамках, его мысли и чувства развиваются в некоторый обряд. От слов молитвы, которым учит его мать, до школьного чтения и учения, а затем приобретает опыт жизни в обществе, он, сам того не ведая, черпает из сокровищницы гуманистических иерархий, усваивает способы оценки, а собственное бытие и бытие человечества принимает как борьбу за всё более совершенные цели. Он чувствует, что человек — не только животное, но что-то большее. Его нравственное чувство находит опору в обычаях, праве, заповедях религии, в повседневном языке лозунгов и призывов к согражданам. Когда эта хрупкая поверхность раздирается и обнаруживается дно человеческой природы — наступает критический момент. Всё рушится, всё кажется искусственным и ничтожным в сопоставлении с элементарными фактами: жестокость людей, по своим результатам такая же, как жестокость природы; легкость, с которой в одну секунду чувствующее и мыслящее существо превращается в мертвый предмет; обращение с теми, каждый из которых (как он верил!) есть отдельная личность, как с игрушками, подлежащими быть уничтоженными, переброшенными с места на место, искалеченными. В такую минуту все возможные аспекты рассмотрения человека исчезают — остается только один, биологический. Остальное выглядит несущественной надстройкой.

Этот переломный пункт должен быть гораздо выразительней в великую войну XX века — как ни говори, а наполеоновские войны были столкновением сил в пределах цивилизации, ни одна из сторон не выступала с программой сорвать человека с пьедестала и не подвергала сомнению его установившееся веками достоинство. Там, где личность, переживающая этот переломный пункт, вынуждена перенести не только сам вид озверения, но и влияние доктрины, оправдывающей и восхваляющей голое зверство, — возможность сломиться намного

больше. На душу, угнетенную такой картиной, какую увидел Пьер Безухов, грузом ложатся слова пропаганды, в основе которых лежит восторг перед безжалостным насилием и — вопреки накопленному достоянию западной культуры — восторг перед «естественным» человеком, не сформированным ни Евангелием, ни таинствами, ни обычаями благожелательного сосуществования согласно *ius gentis*. Эти слова могут воздействовать сильно и оставить прочные следы в неосознаваемой, но важной для поведения сфере, где рождаются рефлекс мысли и действия.

Каковы могут быть результаты этой внезапной утраты веры? Не выразятся ли они в изменении коллективного духа, не запятнают ли поведение общества? Пьер Безухов впадает в оцепенение, в полное прозябание — и это одно из возможных последствий: своего рода сон и равнодушие к окружающим событиям, внутренний паралич, — собственно говоря, до этого состояния и хотят довести гонители, этого им вполне достаточно. Другим возможным состоянием — у личностей более подвижных и ловких — будет остановка на этом уровне внутреннего одеревенения при развитии вовне совершенно циничной деятельности. В гибели оценочности они черпают обоснование самых гнусных поступков: раз ничего прочного не существует, раз жизнь есть не что иное, как бессмысленный клубок пожирающих друг друга червей, — значит, всё позволено, спасем самих себя. Так они идут по пути потаенных или открытых преступников, которых любая масса производит во множестве, но в исключительные времена их рождается больше, чем когда-либо, ибо внутренние тормоза теряют свою действенность.

Однако вышеназванные виды последствий не выглядят достаточно заурядными, чтобы следовало опасаться, что они разольются громадной волной, поглощающей мирные формы бытования общества. Опаснее результаты, более согласные с требованиями человеческой природы и поэтому случающиеся гораздо чаще. Врожденная жажда нравственной гармонии, стремление установить хоть какую-то иерархию — любую, лишь бы была, — могут толкнуть к обустройству в руинах этического мира, в руинах веры, а это обустройство называется деформацией ценностей. Усомнившись в наследии, оставленном проповедниками и пророками, призывавшими к борьбе за царство Божие на земле, люди вынуждены высвободить свой энтузиазм, свою любовь к благородным и жертвенным поступкам и лихорадочно ищут вокруг себя чего-то, что годилось бы для обожествления и украшения, — подобные в этом архитекторам, которые брали образцами руины, сочтя их самым прекрасным продуктом строительства и не зная, что где-то существуют подлинно прекрасные и нетронутые памятники искусства. Эту потребность отлично понял национал-социализм: приходя в эпоху, когда военный опыт выжег души миллионов, и используя сильное течение сомнений в цивилизации, охватившее Германию, он поставил на место сверженных богов новый кумир — свое племя, придав ему черты божественности и снабдив его всеми достоинствами истины, красоты и добра. Нет истины, нет красоты, нет добра — безусловно, зато есть германская истина, германская красота и германское добро. Так был заполнен вакуум, и в рамках нового канона нашлось место героизму, самоотречению, товариществу и т.п.

Так как же поведет себя представитель завоеванной Европы, если ему выпадет это духовное поражение? Утратив веру в посланничество (с которой он прожил, правда не без лукавства, XIX век), видя горизонт, повсюду замкнутый ландшафтом руин, он может не найти в себе сил, чтобы выйти из этого заколдованного круга, и согласится устроить свое хозяйство по мерке пожарищ и развалин. Тогда, питая ненависть к врагу и отыскивая, что же противопоставить врагу, он пойдет по его следам и противопоставит ему обратный, но остающийся в тех же масштабах идеал: враждебному племени он противопоставит свое собственное племя и будет его обожествлять, признав его успешность и силу высочайшими критериями деятельности. Человек, человечество — эти понятия вызовут в нем только рефлекс неприязни и раз навсегда останутся связаны с неприятными воспоминаниями — как бессилие какой-нибудь Лиги Наций или фарисейство демократии. Такой подход, превращающий собственное отечество в алтарь, на котором сжигают отдельную личность, позволит ему высвободить весь запас благородства и героизма, тем более что пока продолжается гнет, этот алтарь — еще и алтарь страдающей человечности. Но победа неизбежно принесет раздвоение и поставит вопрос приоритета целей. Если бы такая атмосфера стала повсеместной, континенту вскоре грозила бы новая опасность, вытекающая из экзальтации своим родимым, к чему склонны много перестрадавшие народы.

Вышеприведенные рассуждения я извлек из опыта войны, но было бы ошибочно утверждать, что только он — мотор этих перемен, имеющих куда более сложные причины. Тем не менее опыт войны содержит в себе как бы в сжатом виде историю последних десятилетий, обогащенную накопившимся материалом, сильнее чего бы то ни было другого преображает человека — и затрагивает даже наименее чувствительных. Пойдем дальше. Исчерпывает ли утрата веры всю область феномена? Нет. Толстой велит своему герою утратить веру и затем снова ее отстроить. Пьер Безухов сходит в самую юдоль нищеты в лагере (депо) пленных — и именно там, среди полной примитивности, унижения и смерти, одного за другим уносящей его собратьев по плену, переживает великое преображение, выходит оттуда, смирившись с миром и внутренне свободный. Это происходит через прикосновение к судьбе человека во всей ее простоте, бренности и боли. Можно сказать, что его спасает

соседство простого мужика Платона Каратаева: само его ровное дыхание по ночам, его радостное смирение, его полное согласие на всё, что принесет грядущий день, — для Пьера новый и нелегкий опыт; может быть, это попросту называется любовью к ближнему. Идя «босыми, стертыми, заструпелыми ногами» по замерзшим русским дорогам, Пьер открывает, что человек не только зол, но и воистину добр, что земля и жизнь хороши, а зло не должно заслонять нам великую и мудрую гармонию бытия. Даже слабость и ничтожество человека не нарушают этой гармонии, входят как необходимый пункт в какой-то окончательный расчет. Толстой не колеблясь описывает поведение Пьера во время расстрела Каратаева, который слишком слаб, чтобы поспевать за конвоем. «Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то. Но Пьеру слишком страшно было за себя. Он сделал так, как будто не видал его взгляда, и поспешно отошел. (...) Сзади, с того места, где сидел Каратаев, послышался выстрел. Пьер слышал явственно этот выстрел, но в то же мгновение, как он услышал его, Пьер вспомнил, что он не кончил еще начатое перед проездом маршала вычисление о том, сколько переходов оставалось до Смоленска. И он стал считать».

Единственное ли это решение — то, которое дает Толстой? Можно ли, усомнившись в человеке, вновь обрести веру, только отрекшись от всего, чем дарят сытость, социальные различия и пользование материальными выгодами? Можно ли принять цивилизацию только тогда, когда подвергнешь ее огненному испытанию суровости и простоты, принуждая людей проложить между ними те связи, которые возникают «в страданиях, в безвинности страданий»? Такое решение — очень русское, и в России оно повторяется в разных видах много лет. Парадоксально, что защищающаяся от такого решения Европа уже сошла в чистилище примитивности и убожества. Но ее традиции не опираются на евангельское христианство, ее не исходили «старцы», покинувшие семью и имущество, чтобы спастись в лесах над Обью или Печорой. Ее монастыри были деятельными, полными движения, занимались хозяйственными, политическими и учебными делами. Может быть, поэтому Европа так неохотно отступает, предпочитает рассматривать свое унижение как минутное попущение, не представляя себе — по крайней мере — своего будущего в сдержанности и суровости. Многим ее гражданам наверное дано испытать то, что испытал Пьер Безухов: пожатие руки, слово товарища по тюремной камере преодолевает чуждость и враждебность, снова возносит человека высоко, и «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе».

Говорящая тут, в этот период возвращения к здоровью, традиция с удвоенной силой навязывает свои формулировки, навязывает свой язык. Демонические элементы человеческой природы широко учитывались в западном христианстве. С того момента, как отдельная личность вырывалась из-под опеки Церкви и вверялась своим силам, от нее всего можно было ожидать, и величайшее зверство было в глазах католика понятным результатом врожденной порчи. Поэтому человек, продолжающий традиции западного христианства, лучше подготовлен к выходу из неверия, в которое его загоняет подлость. Кризис у него не такой острый, антитоксины действуют быстрее и успешней. Несмотря на дно, которое иногда приоткрывается, он упрямится в сохранении надежды и постоянно ожидает братства людей — с помощью подавления этого дна и обуздания биологических инстинктов.

Результаты, вытекающие из размышлений над опытом войны, скорее тревожны. Твердо веря в уничтожение доктрины расового сверхчеловека, можно спросить, удастся ли зарыть и забыть такой мощный взрывчатый груз, как это пытались сделать после первой мировой войны, пребывая в иллюзиях prosperity. Всё зависит от того, как совесть человека справится с сомнением. Если сомнение в нем поселится, если он сочтет борьбу за «жизненное пространство» естественным состоянием, то на сцене появятся реалистические политики, которые будут искать единственную основу международных отношений в равновесии сил и шахматной игре государств, что, как мы знаем, приводит уже не к «малым войнам» между двумя государствами, а неизбежно заканчивается фейерверком для всего земного шара. Если он преодолеет сомнение и снова вернется на старый путь мечтаний о государстве объединенного человечества — еще неизвестно, какую выберет форму. Или же, сочтя, что цивилизация в ее настоящем виде — в принципе зло, пожелает ее уничтожить, перепахать и строить новую, воспитывая массы в братстве убожества и потере личности? Или же, сознательно либо бессознательно обращаясь к традициям западного христианства, он захочет цивилизацию обновить, обогатить и улучшить, меняя устарелые институты и приспособляя их к новым требованиям? Неизвестно.

Да, помимо этого есть еще извечные столкновения интересов и эгоизм наций. Значение их, однако, меняется в зависимости от духа эпохи и от названий, которыми каждое поколение учится их определять. Они как некоторые болезни: достаточно больному знать, чем он страдает, и мучения окажутся куда ощутимей. Эгоизм трудно выполоть, но многое зависит от того, какие средства будут считаться дозволенными. Даже такая разница, как между применением протекционных пошлин и вырезанием дотла нации, мешающей в шествии к могуществу, — уже много.

Я сказал, что мало знаю о своем и чужом опыте войны и что остановился только над тем, как описал его Толстой. Я старался по нескольким чертам прочесть его внутреннюю структуру и извлечь аллюзии, которые как будто заключил в своих простых предложениях русский писатель. Может быть, переживания людей во время войны XX века намного разнороднее и глубже; может, они развиваются по другим законам. И, может быть, применять к ним Толстого так же нецелесообразно, как, например, применять описания из пацифистских романов о войне 1914-1918 гг. Пока что, однако, у нас нет большого выбора.

1942

Из книги "Legendy nowoczesnosci", Wydawnictwo Literackie, Krakow 1996

1: РОССИЙСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ДОЛГ ПАМЯТИ И ПРАВО ЗАБВЕНИЯ

22-24 октября 2009 г. в Москве состоялась международная конференция «Россия и Польша: долг памяти и право забвения».

Конференция огромная, организованная Российским институтом культурологии, постоянным представительством Польской Академии наук при Российской АН и рядом других польских и российских научных учреждений при поддержке различных фондов, культурных центров и посольств в Москве. На ней было прочитано целых 116 докладов, что придало конференции фактически ранг конгресса. Трудно представить себе сходное мероприятие в какой-нибудь западной стране: нигде, кроме России, конференция, сосредоточенная на польской проблематике, не смогла бы собрать столько участников. Причина в том, что ни для какой страны, даже для Германии, взаимоотношения с Польшей никогда не были так важны, как для России.

Работа конференции открылась пленарным заседанием, на котором собравшиеся выслушали доклады Алона Конфино из США («Прошлое: добродетель и тирания»), Лорины Репиной («История и память: польза дистанцирования»), Анджея Хвальбы из Ягеллонского университета («Польско-российские места общей памяти»), Альвидаса Никжентайтиса из Литвы («Модели культурной памяти: Польша, Литва и Россия»), Алексея Васильева, заместителя директора Института культурологии («Memory studies и политика памяти в России и Польше»), а также Анджея де Лазари из Лодзи («Итоги проекта „Взаимные предубеждения поляков и русских”»). Дальнейшая работа конференции была разделена и проходила в четырех секциях: «Historia vita memoiae: память и историография в российско-польском контексте»; «Память и образовательные практики в России и Польше»; «Мемориальные культуры России и Польши: общее и особенное»; «Память в социальном измерении: российская и польская перспективы». Завершились заседания дискуссионной панелью на тему «Память меньшинств и регионов: потенциал конфликта или ресурс развития. Российский и польский опыт», а также «круглым столом» «Memory studies: на пути к „мемориальной парадигме” социально-гуманитарного знания».

Частью конференции стали и два «особых события». В первый день ее работы А.Васильев произнес 15-минутную речь памяти недавно скончавшейся Барбары Скарги, совмещенную с демонстрацией кинофильма о ее жизни. Он назвал покойную «выдающимся современным философом, моральным авторитетом Европы и Человеком мира»; а ее жизнь, ее «трагическую, героическую судьбу» признал символом главных тем конференции. И подчеркнул, что Барбара Скарга противостояла патологической концентрации на давних обидах как подхода, изолирующего народ и закрывающего ему дорогу в будущее, а также отметил, что самой большой современной опасностью она считала яд ненависти, о чем ярко и выразительно написала в статье «Против ненависти», перепечатанной после ее смерти «Газетой wyborczej».

Вторым «особым событием», которое имело место в последний день заседаний, была встреча со мною. По инициативе организаторов конференции я изложил на ней проблематику своих исследований по истории русской философской и общественной мысли и ответил на многочисленные вопросы. А.Васильев открыл это мероприятие весьма возвышенными словами, представив меня публике в качестве одного из главных представителей «варшавской школы истории идей», и, пользуясь случаем, почтил память Лешека Колаковского.

По причине разделения конференции на секции я сумел познакомиться только с частью прочитанных докладов. В этом кратком отчете, естественно, не хватает места для характеристики их содержания, а посему я ограничусь лишь перечислением нескольких главных сюжетов. К примеру: необходимость помнить о роли Польши в XVII в. как посредницы между Россией и Европой (тогда в России западных мыслителей переводили с польского, историю и географию Европы изучали по польским хроникам и атласам, а главным поэтом московского двора

был получивший образование в Речи Посполитой и писавший также по-польски Симеон Полоцкий); роль Польши в формировании «национальных идентичностей» Украины и Белоруссии; Украина как своеобразный «театр памяти», где поляки и русские разыгрывали свои «исторические спектакли»; различия в мемориальных культурах римско-католической и православной Церквей; необходимость сохранения памяти о вкладе польских ссыльных в позитивный труд на местах их ссылки, в создание региональных культур империи и развитие общероссийской науки; теоретическая проблематика устной и письменной коллективной памяти, отношения между памятью и историей, роль различных типов памяти в становлении «национальных идентичностей», а также деформирующая роль общественной памяти и необходимость ее корректировки исторической наукой. Ученые из Польши много говорили об этических проблемах коллективной памяти, в частности о таких как выбор между постоянными мысленными возвращениями к собственным обидам и забвением их или как припоминание проявлений чужой вины при одновременном забвении собственной и т. п. Говорилось также о диалоге между «Культурой» Гедройца и «Континентом» Максимова, о России в публицистике Адама Михника и об «антикоммунистическом русофильстве» Яцека Качмарского.

Таким образом, диапазон затронутой проблематики был, как это видно из предыдущего перечисления, очень богатым и широким. Посему тем более заставляет задуматься то обстоятельство, что два вопроса, вызывающие в Польше особые эмоции, оказались обойденными.

Первый из них — это вопрос о Катыни, которому, как вытекает из программы конференции с полным перечнем всех выступлений, не было посвящено отдельного доклада. Я понимаю это, учитывая как соображения чрезмерной политизированности вопроса, так и опасность втянуться в связи с ним в такие споры, которые могли бы увести дискуссию в направлении политической конфронтационности. Однако я сожалею, что организаторам не пришло в голову поручить эту тему белорусским или украинским ученым, зарекомендовавшим себя большой независимостью суждений и неожиданной, иногда даже поражающей нас оригинальностью взглядов на трудные российско-польские вопросы.

Вторым упущением, причем, с моей точки зрения, более важным и с виду странным, было полное игнорирование проблематики внутринациональных «расчетов» — иными словами, тех вопросов, которыми сегодня в Польше занимается Институт национальной памяти (ИНП). Эта проблематика является классической, и у нее весьма долгая история.

Как известно, древние греки провозглашали принцип «амнезии», иными словами, забвения во имя мира о беззакониях, несправедливостях и жестокостях внутригреческих войн. Эрнест Ренан в своем классическом эссе «Что такое нация?» (1882) признавал фундаментальную роль памяти в поддержании самосознания всякой нации, но одновременно подчеркивал, что никакой народ, а уж особенно французский, не мог бы существовать без забвения. Запрет вспоминать прошлое, восстанавливать его в памяти, а тем самым ссорить граждан и вызывать раздоры между ними зачастую действовал на государственном уровне в качестве обязательного. Так, например, французская Конституционная хартия 1814 г. запрещала любые выяснения, кто на чьей стороне был в период революции, а Людовик XVIII, возвращаясь из изгнания, призывал забыть о всяком зле недавнего прошлого, включая казнь короля. Точно такой же принцип обязывал и в Испании после Франко, где не разрешалось упрекать кого бы то ни было в деятельном участии в той или иной политической группировке в период кровавой гражданской войны.

Резкой антитезой греческой «амнезии» был еврейский принцип о необходимости помнить до скончания времен обо всех изведенных обидах и зле. На этот принцип ссылались в 1998 г. на страницах католического журнала «Знак» (1998, №6), защищая взгляд, что христианство представляет собой синтез иудаизма с эллинизмом, а следовательно, оно не должно излишне склоняться в сторону эллинского забвения и прощения. Институт национальной памяти пошел на шаг дальше: он признал «амнезию», иными словами эллинскую часть христианского наследия, аморальным принципом и всецело сосредоточился на восстановлении в памяти всяческого зла и грязи периода ПНР, сочетая эту деятельность с требованием всеобщей и внесудебной декоммунизации и люстрации. Мы, к счастью, избежали этого, но та угроза, какую составляет для народа институционализация мстительной злопамятности, продолжает по-прежнему существовать, довольно ловко защищаясь от радикальной критики.

Название обсуждаемой здесь московской конференции с самого начала ассоциировалось у меня с проблематикой ИНП. Впрочем, не только у меня. Однако эти проблемы оказались целиком и полностью отсутствующими в ее повестке дня. Как это объяснить, за счет чего так получилось?

Полагаю, это вызвано сразу несколькими причинами. Российские участники конференции, наверно, не хотели вмешиваться во внутренние дела Польши. Кроме того в огромном большинстве случаев они понятия не имели о существе и масштабах данной проблемы, а когда узнавали об этом в частном разговоре, то реагировали

изумлением, сочетавшимся с недоверием. По понятным соображениям в России требования о декоммунизации и люстрации никогда не могли восприниматься всерьез; во времена Горбачева малочисленные диссидентские группы провозглашали, правда, идею «российского Нюрнберга», но не могли рассчитывать в этом деле на сколько-нибудь значимую общественную поддержку. Поляки, в свою очередь, отдавали себе, пожалуй, отчет в том, что ИНП не приносит Польше славы и что информировать российских ученых о действиях и целях этого института стало бы компрометированием собственного государства, чего хотелось избежать. И, наконец, из многочисленных закулисных бесед я пришел к выводу, что стремление избегать любых тем, дискредитирующих Польшу, вероятно, соответствовало намерениям организаторов конференции, прочно связанных с либеральными кругами, которые сосредоточены вокруг фонда «Либеральная миссия» (основанного в 2000 г.). Ведь цель конференции состояла, среди прочего, в том, чтобы поднять престиж Польши как страны, сумевшей защититься от авторитарных тенденций, представителями которых выступали братья Качинские, и подающей тем самым хороший пример России. Информировать о Польше как о стране с антикоммунистической «исторической политикой», которая всё время ворошит в памяти прошлое и неспособна даже собраться с духом и решиться воздать хотя бы минимум справедливости генералу Ярузельскому, резко противоречило бы этой цели, достойной всяческой поддержки.

Автор — историк идей, философ, публицист, выдающийся знаток истории польской и русской общественно-политической мысли, заслуженный профессор ПАН и американского университета «Нотр-Дам».

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- „Через двадцать лет после краха коммунизма национальный доход стран бывшего восточного блока реально увеличился лишь на 30%. Таковы данные, опубликованные в последнем отчете Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Есть, впрочем, одно исключение: Польша. По сравнению с 1989 г. наша экономика выросла на 80%. Это означает, что сегодня средний поляк может позволить себе в два раза больше, чем в 1989 году. Эксперты ЕБРР пришли к заключению, что стране удалось пережить кризис без особого ущерба. По их мнению, банковская система здорова, внутренний рынок хорошо развивается, а внешний долг страны не слишком высок”. («Дзенник — Газета правна», 18 ноября)

- „Сорок лет назад в Знамитовицах у Ружновского озера сосед крестьянина Яна Стаха перегородил единственную дорогу к его дому. Стах не избил его, не отдал под суд. Он решил построить собственную дорогу. А так как на ее пути находился глубокий овраг, решил возвести и мост. Много лет спустя оказалось, что это крупнейший в мире каменный мост, построенный в одиночку, — 15 м в высоту, 12 в длину и 6 в ширину. Заодно появилась и дорога к хозяйству Стаха длиной 500 м. Сегодня этот объект всё еще в прекрасном состоянии. В местных путеводителях он фигурирует в качестве туристической достопримечательности — Моста силача — и привлекает тысячи людей из Польши и со всего мира”. (Дариуш Балишевский, «Впрост», 22 ноября)

- „С каждым месяцем польская экономика растет все быстрее. Рост ВВП в третьем квартале достиг 1,7% — на 0,2% больше, чем предсказывали аналитики. В предыдущем квартале экономика росла в темпе 1,1%, а в начале года — лишь 0,8%. По мнению экономистов, в конце года будет еще лучше, а за весь текущий год рост ВВП достигнет 1,5% (...) Падение спроса на внутреннем рынке затормозилось. По сравнению с прошлым годом оно снизилось на 1,2%, в то время как с апреля по июнь падение составило 2,1% (...) Индивидуальное потребление выросло с 1,7% (во втором квартале) до 2,2% в годовом отношении. Приостановилось сокращение инвестиций: в третьем квартале оно составило лишь 1,5% по сравнению с прошлым годом — вместо 3% в предыдущем квартале”. (Эльжбета Глапак, «Жечпосполита», 1 дек.)

- Генерал Чеслав Кишак, в 1981-1990 гг. министр внутренних дел, в 1989-1990 гг. вице-премьер: „Масса людей узнаёт меня на улице. Они подходят, заговаривают. Смотрят на меня как на сумасшедшего, когда я начинаю хвалить нынешнее правительство. Стало лучше. Когда я, будучи главой министерства внутренних дел и, как говорят, вторым человеком в государстве, ездил на дачу, мне приходилось возить в багажнике канистру с бензином. Чтобы можно было вернуться. А теперь бензоколонки стоят через каждый километр. В любом магазине я могу всё купить (...) Люди чаще всего спрашивают, когда в Польше будет порядок”. («Дзенник — Газета правна», 20-22 ноября)

- 56,3% поляков хотят, чтобы правительство противодействовало климатическим изменениям даже ценой торможения экономического роста на десятилетия. Почти 62% считают, что мы должны ограничить выброс углекислого газа, даже если это приведет к подорожанию электричества, отопления и горючего. 74,6% из нас уверены, что глобальное потепление, вызванное человеком, представляет собой всемирную угрозу. («Газета wyborcza», 5-6 дек.)

• „Согласно опросу «Магесо-Польша», 70% поляков гасят ненужный свет, 50%, чистят зубы, закрывают кран с водой, 45% сортируют отходы, а 43% после зарядки мобильного телефона вынимают из розетки зарядное устройство (...) За последний год число тех, кто пользуется при покупках сумками многоразового использования, выросло вдвое. (...) Хотя мы и поддерживаем введение обязательной сортировки мусора (...) но даже ради охраны окружающей среды не согласны платить за въезд на автомобиле в центр города — 60% опрошенных выступают против этого”. («Ньюсуик-Польша», 29 ноября)

• „Согласно прогнозам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ВВП Польши вырастет в этом году на 1,4%, а в следующем — уже на 2,5%. Прогнозы других организаций колеблются сегодня в пределах от 1% (Международный валютный фонд, Еврокомиссия) до 1,8% (Bank of America Merrill Lynch) на этот год и от 1,2% (Всемирный банк) до 3,5% (Bank of America Merrill Lynch) — на 2010-й”. («Жечпосполита», 20 ноября)

• „Януш Левандовский будет новым комиссаром Евросоюза по бюджетной политике. Вчера председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу представил его как одного из 27 членов группы, которая должна работать в течение ближайших пяти лет. Поляк будет отвечать не только за подготовку ежегодного бюджета ЕС, но и за планирование финансов ЕС на 2014-2020 гг., объем которых составит почти 900 млрд. евро”. («Польша», 28-29 ноября)

• Януш Левандовский: „Правительства стран нашего континента не едины, потому что он состоит из двух частей, некогда разделенных железным занавесом. Я знаю, как объединить в финансовом отношении несколько частей Европы, и именно это будет моей задачей”. («Польша», 28-29 ноября)

• „Аркадиуш Майшак описал на страницах еженедельника «Палуки», издаваемого в Жнинском и Могиленском поветах, историю одного обелиска. Он был воздвигнут сразу же после «весны народов» [революции 1848 г.] в знак благодарности немецким колонистам, защищавшим эту землю. В 1919 г. (...) эти территории вновь вошли в состав Польши. Обелиск выкопали, а затем установили снова, но вверх ногами, так что немецкая надпись оказалась в земле. На надземной части была сделана новая надпись, увековечивавшая память участников великопольского восстания. В 1939 г. нацисты перевернули обелиск немецкой надписью вверх. В 1945 г. обелиск снова был развернут на 180 градусов, и польская надпись опять оказалась сверху (...) В ближайшее время обелиск еще раз выкопают, очистят и установят так, чтобы были видны обе надписи, что даст каждому возможность увидеть их. Все это для того, «чтобы дать свидетельство истории этой земли», — как сказал местный солтыс Эугениуш Сломович”. (Станислав Тым, «Политика», 5 дек.)

• „За каждый гектар выращиваемых зерновых каждый крестьянин получит в этом году из европейско-польской кассы около 860 злотых (...) Из исследований Института экономики сельского хозяйства в 2006 г. следует, что хозяйства площадью до 5 гектаров расходуют дотации на потребление. Таких хозяйств в Польше 58% (...) Прямые дотации за каждый гектар оказались постоянным, стабильным и надежным источником доходов (...) Поэтому со дня вступления Польши в ЕС и введения дотаций (т.е. с 2004 г.) процесс укрупнения хозяйств затормозился. Между тем чем крупнее хозяйство, тем более эффективно и качественно оно работает (...) Перспективным экономисты считают хозяйство площадью не менее 20 гектаров. В Польше таких хозяйств меньше 7% (...) Они занимают 37% сельскохозяйственных угодий, в то время как в среднем по ЕС эта цифра составляет 76%, а в 15 странах старого Евросоюза — более 84%”. (Кристина Нашковская, «Газета wyborcza», 27 ноября)

• „Согласно последнему отчету Еврокомиссии, Польша наряду с Люксембургом — единственная страна, где со второго квартала 2008 г. отмечается небольшой рост занятости”. («Польша», 24 ноября)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), во втором квартале средняя начисленная зарплата (без годовых премий) составила 3077,26 злотых — на 4,4% больше, чем в тот же период 2008 года. Среднестатистический частный предприниматель зарабатывал 3271 зл., т.е. на 3,8% больше, чем год назад. Больше всего выросли зарплаты в секторе выработки и продажи электроэнергии, газа и горячей воды — более чем на 12% по сравнению с 2008 г. (в среднем 4733 зл.). На втором месте оказались сотрудники государственного управления и национальной обороны — их зарплаты выросли более чем на 7% (в среднем 3779 зл.). Информатики, сотрудники телевидения и издательств получали в среднем 5845 зл., работники финансов и страхования — 5475 зл., шахтеры — 5299 зл., юристы и специалисты по маркетингу и пиару — 4945 зл., крестьяне, рыбаки и лесники — 2930 зл., строительные рабочие — 3419 зл., работники торговли — 3057 зл., промышленные рабочие — 3240 злотых. В конце сентября покупательная способность злотого была на 3,1% меньше, чем в декабре 2008 г. Мясо и сахар подорожали на 9%, квартплата — на 5,3%, электроэнергия — на 10,5%, горючее — на 13,3%, книги и газеты, а также косметические средства — на 2,3%. («Газета wyborcza», 25 ноября)

- „Согласно отчету Дублинского фонда, Польша принадлежит к тем странам ЕС, в которых совмещать профессиональную деятельность с воспитанием детей чрезвычайно сложно. Эксперты фонда, занимающегося вопросами улучшения условий жизни и труда европейцев, не сомневаются, что именно по этой причине в нашей стране слишком низкий естественный прирост. По самым последним данным Евростата, среднестатистическая полька рождает всего 1,3 ребенка (...) По т.н. детности мы занимаем 26 место среди 27 стран-членов ЕС”. («Дзенник — Газета правна», 25 ноября)
- „По данным отчета ЮНИСЕФ, польские дети не обеспечены хорошим медицинским обслуживанием (...) Авторы отчета обращают особое внимание на плохое состояние образования маленьких поляков. «Школа дает им знания, но не учит самостоятельно мыслить и действовать. В результате польские школьники занимают первые места на европейском конкурсе знаний о ЕС, но последние по общественной активности», — говорит Эльжбета Чиж из Хельсинского фонда, который участвовал в подготовке отчета (...) Риск смертности среди самых маленьких у нас на 40% выше, чем в «старом ЕС». Причина заключается прежде всего в малодоступности педиатров и запоздалом диагностировании тяжелых заболеваний (...) «В Польше плохо действует система помощи детям-инвалидам и детям, подвергающимся насилию», — сообщает Зофья Дульская из ЮНИСЕФ”. («Дзенник — Газета правна», 20-22 ноября)
- „Влоцлавек насчитывает 115 тыс. жителей (...) Уровень безработицы составляет сегодня около 14% (...) Фонд «Мать-одиночка», основанный и руководимый депутатом от Союза демократических левых сил (СДЛС), одним из самых богатых поляков Кшиштофом Гжондзелем, оказывает помощь полутора тысячам семей, т.е. около 4,5 тыс. человек (...) Фонд поддерживает тех, кто по каким-либо причинам вынужден в одиночку воспитывать детей (...) и чьи семейные доходы не превышают 450 зл. в месяц на человека (...) Ежемесячно подопечные — как дети, так и их матери, — могут воспользоваться 140 оплаченными для них приемами у стоматолога и 20 обследованиями у окулиста. Выделяется финансовая помощь на лекарства и очки. Планируются также другие обследования и лечение, в т.ч. обеспечение женщинам возможности сделать маммографию. Один из способов вырваться из нищеты — образование как родителей, так и детей. Поэтому фонд приглашает и тех, и других на бесплатные курсы английского языка (...) Сейчас Гжондзель обдумывает организацию для безработных матерей курсов, помогающих основать собственную фирму. Помогает фонд и студентам (...) Стипендия составляет 350 зл. в месяц. Их уже больше 25-ти, а в этом году вузы окончили первые инженеры (...) На нужды фонда ежегодно выделяется 800-900 тыс. злотых (...) Фонд был основан в августе 2005 г., но еще до этого Кшиштоф Гжондзель много лет помогал нуждающимся (...) Например, он купил восемь квартир для детей из детского дома, а другие, купленные городом, отремонтировал”. (Агата Грабау, «Пшеглэнд», 15 ноября)
- „Согласно опросу ГфК «Полония», 67% поляков считают, что предприниматели работают больше всех остальных. Три года назад такое мнение выражало немногим более половины опрошенных (...) Положительно оценивается и полезность предпринимателей для общества — о ней говорят 74% (...) По мнению 56% поляков, предприниматели инвестируют в свои предприятия. 46% из нас считают, что предприниматели честны по отношению к государству, а 43% — что они заботятся о сотрудниках”. («Жечпосполита», 21-22 ноября)
- „Польским предпринимателям удастся подвергнуть вторичной переработке менее 5% коммунальных отходов. Остальные попадают на свалки (...) В Германии на свалки попадает 20% всего мусора, столько же на мусоросжигательные заводы, а остальное используется в качестве вторсырья (...) Мы обязаны выполнять европейские минимумы. В 2014 г. мы должны будем перерабатывать четвертую часть коммунальных отходов. Более того, до конца 2010 г. наша страна должна уменьшить количество отходов, подлежащих биodeградации (...) на четверть по сравнению с уровнем 2005 года. В 2014 г. этот показатель должен снизиться вдвое. Эти цели почти недостижимы (...) В результате Польша в худшем случае будет вынуждена ежедневно платить 200 тыс. евро штрафа”. (Павел Врабец, «Польска», 28 ноября)
- „Уже 13 лет одна из самых богатых энергетических компаний с участием государственного капитала «Энеа» обеспечивает заработок двум профсоюзам — при помощи созданных ею фирм «Бюросервис» и «Энерго-тур». В правление этих фирм входят деятели обоих профсоюзов. Профсоюзы шумно борются за интересы трудящихся, а сами потихоньку живут за счет доходов от правления. Симбиоз был нарушен планами приватизации”. (Войцех Тесля, Артур Грабек, «Дзенник — Газета правна», 24 ноября)
- „Лишь в прошлом году Горно-металлургический медный концерн (ГММК), компания, в которой решающий голос принадлежит государству, выделил на деятельность профсоюзов 8,2 млн. злотых. Из них 7,5 млн. были предназначены на зарплаты штатных работников (...) Начисленная зарплата профсоюзников-рекордсменов составляет 275 тыс. зл. в год, больше 22 тысяч в месяц (...) Молодой шахтер получает на руки 2200-2400 зл. в месяц, включая премии. В ГММК имеется 15 профсоюзов (...) В них работают 42 штатных профсоюзных деятеля (...) Те из них, кто принадлежит к трем крупнейшим организациям, получают служебные машины. Телефонные

счета и офис им оплачивает ГММК. Он же платит за горючее для автомобилей”. (Войцех Тесля, Артур Грабек, «Дзенник — Газета правна», 23 ноября)

- Барбурка (день св. Барбары) — праздник шахтеров. „Отряды знаменосцев и крестный ход двинутся к церкви на мессу (...) Обед в конференц-зале. Уже разосланы приглашения властям и духовенству. В спортзале состоится торжественное заседание. Шахтерам вручат дипломы и заступы. Выступит кабаре (...) «А как же шахтеры, пострадавшие от несчастных случаев? Они придут?» — спрашиваем мы. «Мы не можем пригласить всех, так как число мест ограничено». (...) «А получившие ожоги?» (...) «Обычно этих людей не приглашают»”. (Дариуш Кортко, Анна Малиновская, «Газета wyborcza», 3 дек.)

- „Во время Барбурки премьер Дональд Туск говорил шахтерам, что их работа очень важна, а уголь — это богатство Польши (...) Потом все дружно участвовали в застолье. Премьер вместе с шахтерами раскачивался в такт шахтерским песням, съел рульку с капустой, выпил пива”. («Газета wyborcza», 5-6 дек.)

- „Вот уже несколько лет в Варшаве нет недостатка в любителях японской кухни (...) Самый дешевый спектакль «боди-суши» стоит 2100 злотых. За эту сумму клиенты целый час могут есть японские лакомства прямо с тела обнаженной модели”. («Польска», 18 ноября)

- „Подписанные президентом поправки к Уголовному кодексу предусматривают принудительное лечение педофилов и ужесточение наказаний за сексуальные преступления, а также запрещают продажу и использование коммунистической и фашистской символики”. («Впрост», 6 дек.)

- „Обвинения, выдвигаемые семьями жертв НКВД, имеют основания, — постановил Европейский суд по правам человека в Страсбурге (...) Правительство России обязано до 10 марта 2010 г. разъяснить страсбургским судьям действия российского правосудия по катынскому делу (...) Суд предварительно признал обвинения родственников жертв обоснованными и согласился на т.н. ускоренное разбирательство”. («Жечпосполита», 4 дек.)

- „Вот уже больше года фонд «Пресс-центр стран Центральной и Восточной Европы» организует дискуссии представителей польской и российской интеллигенции(...) Прошедшая в последние выходные дискуссия касалась прошлого. «Как поляки, так и русские отличаются сильным ощущением национальной самобытности, что, возможно, и становится одной из причин недоразумений», — сказал во вступительном слове проф. Эдмунд Внук-Липинский (...) Часто поиски истины требуют пересмотра самосознания, к чему часть граждан России всё еще не готова. Эти люди по-прежнему строят свое самосознание на мифе о победе СССР во II Мировой войне и о непогрешимом Сталине — верховном главнокомандующем Красной Армии. Российский социолог проф. Игорь Клямкин пришел к выводу, что такой пересмотр будет возможен тогда, когда Россия станет демократической страной: «При демократии историей занимаются в первую очередь историки, а не политики, а у нас проблема идентичности до сих пор в большей мере является продуктом политической пропаганды, а не истории или культуры»”. («Газета wyborcza», 16 ноября)

- Профессор Варшавского университета Иренеуш Кшеминский: „Результаты исследований национальных и этнических стереотипов в 1990-1995 гг. показывают интересный процесс роста положительного отношения поляков ко всем национальностям, отмирание страха, даже перед украинцами, к которым обычно относились с наименьшей симпатией. Около 1995 г. эта тенденция идет на спад (к счастью, это не касается украинцев). Я связываю это с деятельностью радио «Мария» которое стало общественным рупором откровенно националистических, ксенофобских и антисемитских взглядов”. («Газета wyborcza», 21-22 ноября)

- „Депутаты гмины Орля в Подляском воеводстве решили ввести информационные таблички на двух языках. При въезде и выезде из двадцати пяти деревень их польские названия будут продублированы по-белорусски, кириллицей. Весной 2009 г. депутаты решили, что белорусский будет вспомогательным языком в учреждениях и организациях, подчиняющихся гминному самоуправлению. Во время всеобщей переписи населения 70% жителей Орли причислили себя к белорусам (...) Белорусским в качестве вспомогательного языка можно пользоваться также в Хайнувке (решение принято с перевесом в один голос) и Наревке”. («Пшеглэнд православный», ноябрь)

- „Белорусские власти выдали разрешение на открытие в Минске офиса «Европейского радио для Беларуси» — независимой радиостанции с центральной редакцией в Польше”. («Газета wyborcza», 14-15 ноября)

- „В меру стабильная экономика, более низкая коррупция, чем на Украине и в России, а прежде всего возможность экспансии на соседние рынки все чаще привлекают в Белоруссию инвесторов (...) Число польских фирм в Белоруссии перевалило уже за полтысячи (530) и продолжает расти (...) Пока это преимущественно

- инвесторы из сектора малого и среднего бизнеса (МСБ). Большинство из них представляют деревообрабатывающую отрасль и торговлю — по 11%, а также пищевую промышленность — 10%. На долю последних приходится треть всех капиталовложений польских фирм, оцениваемых в конце прошлого года в 280 млн. долларов (...) Инвестиции польского МСБ касаются также строительства и сельского хозяйства”. (Адам Возняк, «Жечпосполита», 10 дек.)
- „Россия обратилась к польскому правительству с предложением протянуть трубопровод «Дружба» (...) до порта Вильгельмсхафен на берегу Северного моря (...) Эксперты предостерегают, что поддержка такого проекта может поставить под удар (...) трубопровод Одесса—Броды—Плоцк, по которому мы могли бы импортировать сырье из района Каспийского моря. Кроме того, это приведет к маргинализации Нефтепорта, нашего единственного нефтяного порта”. («Дзенник — Газета правна», 13-15 ноября)
 - „Польский нефтегазовый концерн «Орлен» подписал со швейцарской компанией «Souz Petroleum Establishment» трехлетний контракт на ежегодную поставку 4,8 млн. тонн российской нефти, начиная с января 2010 года. Стоимость контракта — 8 млрд. долларов при цене нефти около 76 долларов за баррель (...) В Плоцк нефть должна поступать по трубопроводу «Дружба», а в случае проблем с транспортировкой по трубе, «Souz» обязан поставлять ее танкерами, не меняя цену (...) Подписанный ранее договор с фирмой «Petraco» и новый договор с «Souz Petroleum» покрывают 60% объема необходимой «Орлену» нефти”. («Газета wyborcza», 28-29 ноября)
 - „Заклячая газовый контракт с Россией до 2037 г., Польша купила себе четверть века на инвестиции в энергетическую безопасность. Но уверенности в том, что это время будет использовано надлежащим образом, нет. Может быть, на это и рассчитывают россияне, прекрасно знающие наш характер и отсутствие стратегического мышления”. (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 14-15 ноября)
 - „«Газпром» не завершил газовых переговоров с министерством экономики, несмотря на то, что вчерашний гала-концерт российского симфонического оркестра в варшавском Большом театре должен был придать торжественность подписанию этого контракта”. («Газета wyborcza», 27 ноября)
 - „Шансы на то, что соглашение с Россией по поставкам газа удастся подписать в этом году, невелики. Москва выдвинула очередные требования, теперь то же самое, вероятно, сделает и польская сторона. По новому ямальскому контракту с января мы должны были получать больше российского газа”. («Дзенник — Газета правна», 30 ноября)
 - „«Трудно понять, зачем россияне вносят всё новые вопросы», — сказал вчера в Кракове вице-премьер Вальдемар Павляк (...) У него уже не осталось надежд на скорое окончание переговоров, тянувшихся с начала года (...) Еще в конце июля, предъявляя в последний момент новые требования, россияне заблокировали завершавшиеся переговоры. Газовщики пытаются понять, что происходит”. («Газета wyborcza», 1 дек.)
 - „«Газпром» ставит новые условия, подписание договора откладывается. В связи с этим Польша решила начать переговоры с другими партнерами. Речь идет о крупнейших европейских газовых компаниях, которые в настоящий момент по причине кризиса располагают излишками сырья (...) У Польши имеются запасы, которые позволят спокойно пережить зиму, даже если бы возникли трудности с российскими поставками (...) Вице-премьер Вальдемар Павляк уверяет, что подписание договора с «Газпромом» не поставит под угрозу постройку газопорта. «Зависимость от России — это политический миф», — заверил он”. («Дзенник — Газета правна», 3 дек.)
 - „Сегодня мы нуждаемся в интерконнекторах, т.е. в трубопроводах, которые соединили бы нас с западной системой. Газ мог бы течь по ним в обе стороны, и не обязательно непрерывно. Польская газовая система нуждается в запасных вариантах, которые могли бы спасти ее в критических ситуациях, а также поддержать соседей, если они будут терпеть нужду. Польша настойчивее всех требовала энергетической солидарности в ЕС”. (Адам Гжешак, «Политика», 14 ноября)
 - „Строительство газопровода Бернау—Щецин Польским нефтегазовым концерном (ПНГК) и компанией «Verbundnetz Gaz» (VNG) стоит под вопросом. (...) Обнародованные несколько дней назад изменения в акционерной структуре VNG могут приостановить инвестицию или отодвинуть ее на несколько лет. Купив пакет более 5% акций у французского концерна GDF, российский «Газпром» стал ключевым пайщиком VNG (...) В такой ситуации трудно ожидать, что ПНГК будет продолжать подготовку к строительству”. (Агнешка Лакома, «Жечпосполита», 4 дек.)
 - Структура поставок природного газа на польский рынок в 2008 г.: импорт из Российской Федерации — 49,5% (7377,8 млн. кубометров), собственная добыча — 28,7% (4282,7 млн.), импорт из Туркмении — 15,9% (2377,7

млн.), импорт из Германии — 5,8% (858,7 млн.), импорт с Украины — 0,03% (4,8 млн.), импорт из Чехии — 0,002% (0,3 млн.). Всего с востока мы получаем 65,5%, а с других направлений — 5,8%. Источник: mg.gov.pl. («Пшеглэнд», 6 дек.)

- „Россия занимает в польской внешней торговле второе место как экспортер и лишь шестое — как импортер. Отрицательное сальдо товарооборота с Россией в 2008 г. составило почти 12 млрд. долларов (...) Наш годовой импорт из России составляет почти 20 млрд. евро”. («Пшеглэнд», 29 ноября)

- Виктор Ерофеев: „В настоящий момент принципиальный спор между Польшей и Россией касается Украины. Это реальный и в то же время косвенный политический конфликт (...) Польша хочет вырвать Украину из-под влияния России, что приводит Россию в ярость. В результате Польше кажется, что ярость России может переродиться во что-то опасное (...) Польско-российский конфликт будет продолжаться до тех пор, пока позиция Украины будет оставаться неопределённой. Так что у поляков нет причин для обиды. Они должны осознать, что польские и российские интересы на Украине сталкиваются”. («Ньюсуик-Польша», 13 дек.)

- „Согласно опросу «IFAK Ukraine», Польша — наиболее дружелюбно расположенная к Украине страна. Так считают 26% респондентов — почти одинаковое количество на западе и востоке страны. На втором месте оказалась Россия. Ее выбрали 17% украинцев, но лишь 9% из них — на западе Украины”. («Жечпосполита», 27 окт.)

- Президент Украины Виктор Ющенко: „Важным примером является история наших отношений, демонстрирующая, что два демократических государства, невзирая на сложное прошлое, смогли простить друг друга и прийти к взаимному примирению. Мы ценим открытую политику Польши, поддерживающей стремление Украины в Европу. Это говорит о том, что у нас общая система ценностей. Это цель, которая нас объединяет”. («Жечпосполита», 8 дек.)

- „Польша, Украина и Литва создадут общую бригаду, которая будет участвовать в миссиях ООН, НАТО и ЕС. Такое решение приняли вчера в Брюсселе министры обороны трех государств. Штаб и командование новой части будут размещены в Польше, а подразделения останутся в своих странах и будут вводиться в действие по мере необходимости (...) В бригаде должны соблюдаться стандарты, принятые в НАТО. Рабочим языком будет английский”. («Польска», 17 ноября)

- „После вывода польских военнослужащих из Сирии (350) и Ливана (500) польский флаг был спущен также в Ирбе (Республика Чад). (...) Военнослужащие (330) возвращаются в Польшу (...) первая группа — 8 декабря, вторая и последняя — 17 декабря”. («Газета wyborcza», 7 дек.)

- „Польша пошлет в Газни еще 600 военнослужащих (...) В 2010 г. число наших солдат в Афганистане вырастет до 2600 (...) Стратегический резерв в Польше будет увеличен с 200 до 400 человек”. («Польска», 3 дек.)

- „Миф борьбы за независимость, согласно которому поляки из поколения в поколение не делали ничего другого, как только противостояли царизму и коммунизму, имеет мало общего с истиной. Чтобы отождествиться с этим мифом, большинству из нас пришлось бы ампутировать свою семейную память: вычеркнуть из нее всех милиционеров, военных, партийцев и сексотов, которых спецслужбы вербовали из всех общественных слоев и групп: интеллигенции, рабочих, крестьян, военных, священников. В партии состояло несколько миллионов человек. Было, а словно и не было. Этим никто не хвастается — похвастаться тут и в самом деле нечем”. (Александр Качоровский, «Ньюсуик-Польша», 8 ноября)

- „Я приношу свои соболезнования польской национальной независимости и государственному суверенитету Польши в связи с тем, что для вручения иностранным гражданам польских государственных наград требуется согласие диктаторов и нелегитимных президентов других стран», — написал в открытом письме президенту Леху Качинскому российский диссидент Александр Подрабинек, корреспондент Международного французского радио (RFI) в Москве (...) В четверг Канцелярия президента Республики Польша направила в МИД письмо с просьбой обратиться к Медведеву за согласием на вручение Подрабинеку награды (...) Но Подрабинек ордена уже не хочет. «Сложившиеся обстоятельства вынуждают меня поблагодарить господина президента за оказанную мне высокую честь, но тем не менее отказаться от получения ордена», — сказал он. Недавно прокремлевская молодежная организация «Наши» угрожала Подрабинеку смертью”. (Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 24 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, работой президента Качинского довольны 24% поляков. Недовольство выражают 62%». («Впрост», 29 ноября)

- Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 3-8 декабря, на президентских выборах Дональд Туск получил бы 27% голосов, Лех Качинский — 18%, Влодзимеж Цимошевич — 13%. («Жечпосполита», 10 дек.)
- „Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 4-6 ноября, Дональду Туску доверяют 49% поляков (...) Лидером рейтинга стал министр иностранных дел Радослав Сикорский — 53%, третий результат у маршала Сейма Бронислава Коморовского — 48%. Самое большое недоверие уже много месяцев подряд вызывает председатель «Права и справедливости» (ПиС) Ярослав Качинский (ему не доверяют 54% поляков), а также президент Лех Качинский (45%)”. («Газета wyborcza», 1 дек.)
- „Согласно опросу ЦИМО, работу премьер-министра Дональда Туска негативно оценивает 51% поляков. Положительную оценку ей дают 40% респондентов. Работу правительства хорошо оценивают 28% поляков, плохо — 65%”. («Жечпосполита», 27 ноября)
- „В ежегодном отчете «Transparency International» Польша поднялась на 10 мест. В опубликованном этой организацией «Индексе восприятия коррупции 2009» Польша получила 4,6 балла из 10 ти и оказалась на 49 месте — на уровне Бутана и Иордании. Ноль означает отсутствие коррупции. Похожие места заняли Болгария, Чехия, Греция, Латвия, Румыния и Словакия”. («Жечпосполита», 18 ноября)
- „Более половины судей подали заявления об отказе вести дело о коррупции в Подкарпатском самоуправлении. В обвинительном акте фигурируют пять человек, в т.ч. бывший директор управления маршала Подкарпатского воеводства, замдиректора кабинета маршала, бывший замдиректора организационного департамента в управлении маршала, а также секретарша одного из вице-маршалов. Заявления об отказе вести дело подало большинство из 80 судей районного суда в Жекове. Пока судить не хочет никто”. («Наш дзенник», 8 дек.)
- „Парламент в ускоренном темпе принял закон об азартных играх. Первое чтение прошло во вторник, а голосование состоялось в четверг. Вне закона объявлены электронные лотереи, в течение пяти лет из баров и торговых центров должны исчезнуть несколько десятков тысяч автоматов, с нового года значительно вырастет налог на их содержание (зато налоги на букмекерскую деятельность вырастут умеренно). Азартные сайты в Интернете должны зарегистрировать адрес www в Польше и платить налоги. Сенаторы приняли закон без поправок, президент собирается подписать его и передать в Конституционный суд”. («Тыгодник повсехный», 29 ноября)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 2-9 декабря, ГП поддерживают 36% поляков, ПиС — 24%, СДЛС — 7%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. («Жечпосполита», 12-13 дек.)
- Тадеуш Сирийчик, бывший министр промышленности, бывший министр транспорта и морского хозяйства, а также бывший представитель Польши в Совете директоров Европейского банка реконструкции и развития: „В специфических условиях современной политики — при значительной роли телевидения и растущей роли Интернета, при ускоренном информационном обмене, затухающей памяти о реально испытанных кризисах и реальном значении политики для общества и государства — действующее правительство может оставаться у власти. Демократия порождает не настоящих лидеров, а людей, которые соответствуют средним эмоциям избирателей (...) Боюсь, что сегодня действует принцип: каждому, кто будет слишком громко говорить о необходимости реформ, нужно как минимум заткнуть рот, чтоб не мешал (...) Сегодня государство, экономика и общество находятся в лучшем положении, чем двадцать или десять лет назад, а объем и конфликтность необходимых мер меньше, чем в былые времена. Компромисс между необходимостью изменений и обоснованными опасениями относительно их последствий смещен — в результате правительство даже не пытается предпринимать действия, которые выходили бы за горизонт ближайших выборов”. («Газета wyborcza», 14-15 ноября)
- Мацей Плажинский, один из основателей ГП и ее бывший председатель: „В зрелых демократических обществах встречаются двухпартийные системы, но есть также внутренняя демократия и соперничество. Лидеров меняют, и не бывает так, что лидер вправе выгнать каждого, кто ему не по вкусу (...) У нас двухпартийная система в восточноевропейском варианте. Партии стали собственностью лидеров (...) Эти партии производят впечатление сильных, но в действительности это не так. Они плавают на поверхности, они не вросли в общество, как немецкий ХДС. Им удалось лишь завладеть общественным диалогом”. («Польска», 3 дек.)
- „Премьер-министр предложил внести изменения в конституцию (...) Он предлагает усилить исполнительную власть, особенно позицию премьера, и ослабить позицию президента, последовательно изменив правила его избрания. Президент должен был бы избираться не на всеобщих выборах, а Национальным Собранием (совместно Сеймом и Сенатом). Кроме того, число депутатов сократилось бы на сто человек. Сейм состоял бы не из 460, а из 360 депутатов. Изменилось бы также положение о выборах, став «смешанным» [часть собрания

избиралась бы по пропорциональному принципу, часть — по мажоритарному], появились бы одномандатные избирательные округа”. (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 6 дек.)

• Проф. Генрик Самсонович, бывший министр национального образования: „Характерной чертой европейской цивилизации, которая, впрочем, постепенно становится чертой большинства стран земного шара, является то, что я называю плюрализмом власти. Монопольная власть рано или поздно дегенерирует, тому есть множество примеров. Начиная с VII или IX в. (...) в Европе всегда сохранялось такое состояние, при котором власти взаимно контролировали друг друга. Ставился вопрос: кто должен нами править — Папа или император? Местный правитель или городская коммуна? ” («Польшка», 28-29 ноября)

• Ярослав Говин, философ, депутат от ГП: „После выборов 2005 г. (...) я сидел в ресторане Сейма с одним важным политиком. Я был разгорячен, говорил, что мы с «Правом и справедливостью» должны создать общее правительство, чтобы осуществить нашу программу. А он мне вдруг отвечает: «ПиС победил, пусть теперь сам создает себе правительство». — «Но ведь мы несколько лет обещали [такое] правительство нашим избирателям. Как можно отказаться от этого обещания?» — спросил я. На это он с миной политического гуру ответил: «Запомни, первое правило в политике — пошли избирателей на...» Я многое понял, услышав эти слова. Такая позиция часто встречается у представителей всех партий. Вблизи политика мало напоминает то, что писали о ней Платон, Аристотель или Фома Аквинский”. («Впрост», 15 ноября)

• „Отец Ян Гранде из ордена бонифратров (...) советует, как уберечься от гриппа (...) Первым делом позаботимся о том, чтобы в осенне-зимний период есть не меньше килограмма лука в неделю, а кроме того — зубчик-два чеснока в день”. («Польшка», 10 ноября)

• Уполномоченный по правам человека Януш Кохановский: „Еще в школе нас учили, что нет лучшего метода профилактики эпидемий, чем прививка. Когда я это говорю, то в ответ слышу, что лоббирую интересы фармакологических фирм”. («Польшка», 20 ноября)

• „787 подтвержденных случаев заражения гриппом A/H1N1v, 17 — со смертельным исходом. У большинства зараженных болезнь протекала очень спокойно”. («Тыгодник повсехный», 6 дек.)

• Проф. Петр Винчорек: „Современная Польша (...) не определена в конституции как светское государство. Но она не определена и как конфессиональное государство с одной привилегированной религией. Совсем наоборот: согласно конституции, Церкви и другие конфессиональные объединения имеют в Республике Польша равные права”. («Жечпосполита», 11 дек.)

• Проф. Кароль Модзелевский, один из создателей и лидеров первой «Солидарности»: „Человек видит, что повлиял на ход истории — но не так, как собирался. Уверенность, что ему удастся контролировать механизм, который он сам запустил, оказалась иллюзией”. («Тыгодник повсехный», 25 окт.)

• За последние 30 лет популяция тетеревов в Польше уменьшилась на 95%. С 2007 г. тетеревов привозят из Белоруссии. Вся польская популяция глухарей насчитывает 400 (прописью: четыреста!) особей. («Тыгодник повсехный», 9 дек.)

• „В Польше ежегодно убивают миллион животных только ради их меха (...) Поверхность клеток, в которых на фермах содержатся лисы, составляет 0,6 кв.м. В природных условиях им нужно для жизни несколько десятков квадратных километров”. («Ньюсуик-Польша», 29 ноября)

• „Решение краковского суда, который оправдал мужчину, обвиняемого в умерщвлении собак с целью переработки их на смалец, вызвал бурную дискуссию (...) Это не первое дело такого рода (ежегодно стараниями Общества защиты животных в суды попадает около 30 таких дел). До сих пор все приговоры были обвинительными, хотя наказание давалось условно (...) Месяц назад пенсионер из Янковиц на глазах шестилетней девочки утопил кошку. Суд приговорил его к четырем месяцам тюрьмы, приговор был приведен в исполнение. За несколько месяцев до этого районный суд в Конских приговорил англичанина на год тюрьмы за издевательство над лошадьми. Еще один приговор — год тюрьмы за издевательство над собакой — вынес районный суд в Кросне-Оджанском. Приговоренный мужчина полтора десятка дней бил, пинал ногами и наконец повесил на цепи свою собаку”. (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 19 окт.)

• Черному лабрадору Румбе больше четырех лет (...) Летом 2007 г. в Гданьске на пляже Румба бросилась в воду и поплыла в море. Через минуту оказалось, что она толкает к берегу какого-то ребенка. Она притащила на пляж тонущего семилетнего Кшися. Вчера Румба получила награду «Собака — герой года». Награду «Собака — профессионал» получила Жепа — семилетняя немецкая овчарка, выученный пес-спасатель. Она принимала

участие в 70 операциях. Нашла пятерых человек, в том числе троих живых. Два года назад она нашла 13 летнего мальчика, потерявшегося в лесу. Спасателей она подвела к нему так тихо, что он даже не проснулся. (Доминика Ольшевская, «Газета выборча», 3 дек.)

- „Наконец-то кто-то решился на это. Неукоснительная тюрьма за жестокое убийство животного. На полгода должен попасть за решетку мужчина, который зверски убил свою кошку. Осужденный колотил кошкой об стенку, а потом отрубил ей голову топором”. («Политика», 5 дек.)

- „По данным министерства, в Польше ежегодно используется в научных целях (не считая ветеринарного образования) 120 тыс. мышей, 70 тыс. крыс, 1,3 тыс. лошадей и около тысячи собак. Надзор надо всем этим осуществляют, конечно, комиссии по вопросам этики. Проблема заключается в том, что пропорция голосов защитников животных и ученых составляет в них 2:7 (в местной комиссии в Варшаве) или 3:12 (в общепольской комиссии)”. (Шимон Головня, «Ньюсуик-Польша», 22 ноября)

- „Януш Ожеховский — предприниматель, один из основателей двух частных вузов в Варшаве. Если бы он не потерял двух любимых дворняг (помощь подоспела слишком поздно), может, ему и не пришлось бы в голову купить машину «скорой помощи» с оборудованием, которая ездит к кошкам и собакам — так же как к людям в случаях угрозы жизни. Закон не предусматривает существования «скорой помощи» для животных, не позволяет купить «скорую» тому, у кого нет лечебницы, поэтому Ожеховский ее основал (...) при своем фонде «Сердце сердец» (...) Польша пока не подписала конвенции о защите домашних животных (...) В закрытых судоверфях в Гдыне и Щецине бывшие сотрудники создали Комитет помощи кошкам, работавшим на верфи (КПКРнВ)”. (Эльжбета Исакевич, «Тыгодник повшехный», 13 дек.)

- Гжегож Линденберг, доктор социологии, один из основателей «Газеты выборчей», создатель и первый редактор «Супер-экспресса», соавтор путеводителей по Тоскании и Умбрии, поселился в деревне в 40 км от Варшавы: „Я увидел, как выглядит сойка. К дому подходят фазаны, цапли, журавли, косули. Меня будит дятел. Появлялись кабаны (...) Охотники не подходят (...) Иногда издали я слышу выстрелы (...) Я увидел то, чего не видно в Варшаве. Множество блуждающих, вывезенных в неизвестность и брошенных животных. У меня живут уже две собаки и три кошки. Мы распахали по родственникам и знакомым множество животных, но эти возможности со временем исчерпываются”. («Политика», 5 дек.)

- Агата Бузек, актриса: „Есть одна вещь, которая меня очень тревожит. Животные. Сами о себе они не позаботятся. Я люблю людей, но как вспомню, что они делают с животными, перестаю. Никто не думает, откуда эта котлета, с каким страданием она связана. В нашем доме нет ни мяса, ни рыбы. Адам защищает меня — например, когда приходят праздники. Когда родственники хотят привезти индейку, мы отказываемся (...) Куда ни помотришь, везде видны страдания и смерть животных”. («Газета выборча», 20-21 ноября)

3: МНЕ ПРАВИТСЯ НЫНЕШНЯЯ МОЛОДЕЖЬ...

— Часто ли вы, пани профессор, думаете о прошлом?

— Очень часто. Переношусь в минувшие времена — это картины, места и лица, слышу слова. У меня исключительно хорошая память. Я назвала бы ее видеоманитофонной — можно вставить кассету и воспроизвести фильм с любого места.

— Так перемотаем эту кассету во времена вашего детства.

— О, я была бунтовщицей, сумасбродкой. До войны меня держали в ежовых рукавицах. Это был интеллигентский виленский дом. Мама закончила медицинский факультет и работала врачом-педиатром, отец был юристом: преподавал в университете и одновременно работал адвокатом. Благодаря этому родители могли себе позволить большую квартиру, служанку и бонну. Бонны были репатриантками из Франции, так что мне с детства приходилось учить французский. С боннами мы ходили в Бернардинский сад, самый большой парк в Вильно, а так как у знакомых моих родителей были одни сыновья, то я пребывала главным образом в компании мальчиков. С одним из них мы убегали от наших бонн на берег Вилии, они нас искали, потом нас наказывали, но я и продолжала делать то же самое. И еще одно: я словно собака убегала в еврейские кварталы. Они мне очень нравились, потому что были такими южными, люди разговаривали на странном языке и много времени проводили во дворе, прямо жили во дворе, как в Италии. Дворовые дети звали меня с ними играть, можно было поваляться в грязи, и это страшно привлекало. Хуже, что взрослые прогоняли меня к маме. Сначала угощали, я там ела какой-то мед, а потом гладили по головке: «Какая хорошая девочка, но теперь уж иди домой». Мне,

крохе, было пять-шесть лет, — и их охватывал ужас, что я прихожу туда одна. Поэтому мы вместе с детишками потом прятались по чердакам, чтобы их родители меня не увидели и не отправили обратно.

— Вы не были типичной девочкой своей эпохи.

— Я не любила ничего девчоночьего. Не играла в куклы, очень плохо рукодельничала, не умела ни готовить, ни рисовать. А еще была рассеянной: в школу шла в одних галошах, а возвращалась в других. Когда началась война, мне было девять лет. Отец попал в плен, мать целый день работала, зарабатывала на нас и на содержание дома. Я, с одной стороны, должна была присматривать за маленькой сестрой, так как некому было этим заниматься, а с другой — располагала большой свободой. Школу время от времени прогуливала. Возле нашего дома, в самой середине того сада, была настоящая гора Парк, прозванная горой Буффало, — размерами побольше, чем сегодняшний Саский [Саксонский] сад в Варшаве. Там играла всякая шпана, одни мальчишки, такая неучающаяся молодежь, и я с ними подружилась.

Когда в 1940 г. в Вильно во второй раз вступили большевики, они вышвырнули маму из квартиры. Нас переселили в страшную, прогнившую квартиру, но спустя полгода ее удалось поменять на другую. Сравнительно приличную, но в таком районе, где было полно шпаны. Я проводила с ними много времени, мы бросались камнями, лазили по заборам и деревьям, я училась ругаться, говорила дома «к чёрту», «чёрт бы побрал» и прочие, еще худшие слова.

— Война вас обеспечила оригинальное воспитание.

— Мама была в ужасе, но мало что могла поделать, так как все дни проводила на работе. Это было, впрочем, характерно для того поколения: ни у кого не хватало ни времени, ни возможности подумать, как развивать в детях основные принципы хорошего воспитания. Родителей просто не было дома: либо тяжело работали, либо погибли, либо сидели в плену. Мы были самостоятельными детьми. Нам приходилось помогать взрослым: зарабатывать, ходить по крестьянам, копать картошку, пилить дрова. Мне было девять лет, и, когда у меня спрашивали, кем я стану, я отвечала: извозчиком. Такси в Вильно ездили тогда редко и стоили очень дорого, автобусов было только два, а трамваев вообще не было. Я любила ездить пролеткой и подумала, что это превосходная профессия: целый день катаюсь, получаю за это деньги, да еще я как женщина — извозчик экзотический, а значит, пользуюсь успехом и хорошо зарабатываю.

В 1941 г. в Вильно вступили немцы, а в 1943 г. я втянулась в деятельность компанейско-конспиративной группы, состоявшей из одних мальчиков. Они тоже меня приняли и терпели исходя из принципа, что я им ровня, «свой парень», и со мною можно коней красть. «Ты своей смертью не умрешь», — говорили они мне. Подпольные школы тоже были с совместным обучением, и мы с моей подругой Вандой предпочитали компанию мальчиков.

— Война закончилась, и вы провели несколько лет в Лодзи, в прославленной женской школе Э. Щанецкой.

— Мне стукнуло пятнадцать лет, и я вышла из стадии извозчицкой пролетки, ругательств и лазанья по заборам. К Щанецкой ходили прекрасные девушки; в моем классе, четвертом гимназическом, училось очень много варшавянок, которые пережили Варшавское восстание. Умные, толковые и любознательные. Они, конечно, говорили, что я чудачка, так как я не заботилась ни об одежде, ни о том, чтобы обзавестись мальчиком, но эти различия не были существенными. Мы по-настоящему дружили. В лицее меня даже выбрали старостой класса, потом председателем школьного самоуправления, а это была тогда серьезная организация, так что я в каком-то смысле считалась звездой. Такой социометрической звездой. Нас было пять подруг, но помимо этого мы вместе с другими одноклассницами организовали собственный дискуссионный кружок, тайный, чтобы в нашу элиту не лез кто попало. У нас были товарищи из мужских гимназий, а также — и это уже было отличием, своего рода наградой — у некоторых девушек появились постоянные кавалеры из Политехнического института. О, это было просто супер, они приходили к нам на школьные вечера или мы вместе шла на вечеринки. У кого были подходящие жилищные условия и патефон, тот и приглашал. Я свой патефон получила лишь после экзаменов на аттестат зрелости. Вечера устраивались почти каждую неделю. В классе между девушками случались ссоры насчет того, какую мужскую гимназию пригласить; девушки с первых парт кричали: «Коперника», — а с задних: «Пилсудского».

— Но это были времена нужды, заурядной бедности. А для вашего поколения бедность не была проблемой?

— Мы были очень веселыми, и лишь сегодня я замечаю, что материальные условия были трудными. Тогда они казались нормой. Вообще, материальные соображения как категория для нас не существовали, потому что на

наших глазах все богачи потеряли всё. Мы росли и выросли во время войны, когда нечего было есть, и тот факт, что теперь у нас есть что есть, что мы ходим в нормальную школу, где существует звонок и пани директор, что впереди — какие-то перспективы, что можно достать цветной свитерок, — всё это приводило к тому, что нам уже было весело. Разумеется, мы видели, к примеру, различия между Лодзью и Варшавой. Варшава была сожжена, а выселенные лодзяне возвращались в свои дома, из которых, надо признать, убежавшие немцы ничего не забрали. Если где-то был довоенный патефон с пластинками, то эти пластинки и патефон там же и остались. Варшавские погорельцы или репатрианты с восточных кресов как правило ничего не спасли. Многие жили в проходных комнатах, перегороженных шкафом, а если кому-нибудь удавалось снять отдельную комнату, то это была большая радость. Когда человек носил воду из колодца, а потом ему ставили кран в коридоре, он чувствовал себя ошарашенным. В будни мы ходили в одних и тех же латаных-перелатанных одежах, но каждое новое платье доставляло нам пронзительную радость. С 1945 по 1949 год условия постоянно улучшались, каждый год понемножку. Помню, мать покупала шерсть, эту шерсть ткали, делали из нее материю и лишь тогда отдавали портнихе, потому что так получалось дешевле. А потом я появлялась в школе в новом пальто, совершенно счастливая, что оно у меня есть. Война показала нам, что материальные блага ничего не значат. Всё, что хоть что-то значит, — у нас в душе.

— Когда вы начали понимать, что делается вокруг?

— Я и подавляющее большинство моего окружения всё понимали с самого начала. Тогдашние опасения, что мы, возможно, окажемся семнадцатой республикой, что может разразиться третья мировая война, — это всё висело в воздухе, однако еще в 1947 г. нас не покидали большие надежды, так как ситуация была неясной. Мы еще ожидали победы Миколайчика или что будет достигнут какой-то компромисс Запада с СССР и что Запад нас до конца не оставит. Переломом стал арест Гомулки и объединение ППР с ППС. Наступили времена сталинизма. Крупное изменение, только не в нашем сознании, а в реалиях жизни.

— Война, сталинизм... А были ли у вас планы на будущее, мечты?

— Когда в 1949 г. упразднили социологию, мы, студенты, как и наши преподаватели, не знали, что случится: то ли всего лишь не будет набора, то ли и мы не получим дипломов. Ждали мы самого худшего. Вместе с товарищами с разных факультетов, которые не могли получить работу, мы учредили союз самоубийц. Сидели на чердаке одного дома под Лодзью и выступали с докладами о самоубийствах. Приятельница с химфака достала нам цианистый калий, который каждый носил при себе, и нам предстояло решить, совершаем ли мы самоубийство или же продолжаем жить в этой действительности, причем нечестно, потому что иначе нельзя. Закончилось это трагически. Двое наших товарищей были не в состоянии найти хоть какую-нибудь работу: везде следом за ними шел волчий билет. Они жили на нашем иждивении и без всяких перспектив — мы их подкармливали, хотя часто не было чем. Они покончили с собой. Мы пришли на чердак, а они уже были мертвы, оставили нам письмо.

— Вам было тогда 20 лет, им тоже — но они уже потеряли надежду.

— Наступил такой период, когда надо было просто выжить, как во время войны. Придумать свое место в этой действительности, чтобы как-то существовать. Из Лодзи я перебралась к родителям во Вроцлав. И придумала себе — другой формы бегства не было, — что стану преподавателем статистики. Преподавательскую работу я любила, а статистика казалась мне предметом аполитичным. Каково же было мое удивление, когда в статистическом техникуме мне вручили программу, а там: 6 часов — Ленин и статистика, 6 часов — Сталин и статистика, и еще 6 — о роли статистики в выполнении шестилетнего плана. Пришлось придумывать, что с этим сделать, как справиться, но в конечном итоге меня все равно выгнали с характеристикой классового врага. Я нашла себе два места: в училище, подчиненном министерству внутренней торговли, и в финансовом техникуме, но через год меня и оттуда вытурили. И тогда мне помогла моя коллега Ирена Каменская, первый секретарь парткома, — она дала мне очень хорошую характеристику. А когда ее подозрительные товарищи по партии допытывались насчет содержания этой характеристики, Ирена отвечала: «Что же это за недоверие к первому секретарю?» И этого оказывалось достаточно. Я получила четвертый шанс — работу в техникуме внешней торговли в Варшаве.

— Многие люди из вашего поколения говорят, что коммунистические идеи их соблазнили. А вас — нет?

— Я всегда была рационалисткой, а идеология коммунизма в те времена звучала так иррационально, как религия средневековья. В моей книге «Прерванный полет» я описываю разные типы людей, которые были «непромокаемы» для коммунизма. Им важнее всего была личная свобода, индивидуальность, рациональное мышление. Но среди моих однокурсников были коммунисты. Часто это были люди умные, благородные — вроде той моей подруги, очень хорошего человека, с которой, кстати, я дружу по сей день. Благодаря таким людям, как

она, такие, как я, могли в те страшные времена выжить. Когда во Вроцлаве меня вышвырнули из третьего учебного заведения, она поехала со мной в Варшаву. Оказалось, что в Центральном управлении профессионального обучения уже лежало письмо из вроцлавской инспекции о том, что мне надлежит полностью запретить преподавание.

— Профессиональный смертный приговор?

— Да. И тогда Ирена, красивая девушка, очень нравиваяся мужчинам, битых два часа разговаривала с директором центра профессионального обучения, который в конце концов согласился — за совместный поход на танцплощадку — положить это письмо под сукно и сказал: «Но только пусть она не возвращается во Вроцлав, а постарается найти работу в Варшаве». В тот вечер Ирена вместе с этим большим человеком, принимающим большие решения, отправилась на танцы, а на другой день принялась искать мне работу. В Варшаве у нее была масса знакомств, она вспомнила, что один ее давний поклонник стал кем-то важным в министерстве внешней торговли. В итоге она назначила с этим Тадиком свидание, чтобы потолковать, и организовала мне место в министерском техникуме. За такую услугу ей пришлось поехать с ним на две недели в Криницу, но при этом она мне сказала: «Я выговорила отдельные комнаты — роман с Тадиком я не стану крутить даже ради тебя, но поскучать с ним парочку недель готова».

— Великолепная подруга! А вы видите различия между своим поколением и сегодняшней молодежью?

— Я сильнее отличалась от той молодежи, которая всю свою жизнь сформировала в ПНР, чем от нынешней. Сегодня молодежь вынуждена думать, как зарабатывать, как себя обеспечить, как продержаться. Собственно говоря, они — немного похоже на нас в послевоенные времена, — не мыслят в долгосрочной перспективе, считая, что всё меняется. Банки терпят банкротство, фирмы закрываются или преобразовываются, профессии, только что очень модные и нужные, внезапно теряют престиж, а молодежь теряет рабочие места. Но что особенно характерно нынче для молодежи, так это случайность судьбы. Им хотелось бы путешествовать по границам, иметь свой дом, лучше всего — в деревне неподалеку от большого города, хотелось бы забираться в горы, ходить под парусом, но знают, что в любую минуту могут потерять работу и очутиться на дне. Поляки уже прошли в последнем двадцатилетии через нечто вроде спада и помнят об этом, а потому задумываются, как им устроиться сегодня. Идут на работу и учатся заочно или же поступают на дневное обучение, подрабатывая внештатно.

— И чувствуют себя неудовлетворенными?

— Перед лицом подобной случайности судьбы одни стремятся всё делать про запас. Загружают в голову как можно больше знаний, получают дитпломы по нескольким специальностям, проходят последипломное обучение, потому что это может пригодиться. Другие же — не перетруждаются. Кончают какой-нибудь вуз, зачастую самый дешевый, так как предпринимателю пока не особо важно, где человек получил диплом. Рынок часто отдает предпочтение тем, кто начинает с второстепенных работ по договору, а потом постепенно делает карьеру, так как фирмы склонны делать менеджеров из собственных, проверенных сотрудников. Короче говоря, часть молодежи сверхамбициозна, а другая — всего лишь помаленьку сдает испытания, ибо уверена, что успех зависит главным образом от случая, неожиданного знакомства, встречи на улице с приятелем, который вдруг говорит: «Послушай, в фирме открылась вакансия, может, попробуешь?» — ну и такие не больно напрягаются. Дожидаются своего шанса.

— А семья?

— Мы, мое поколение, были детьми родителей таких времен, когда брак считался нерасторжимым. До войны браки бывали только церковными; чтобы сменить супруга, требовалось сменить веру. И браки редко распадались. Мало того, коль скоро было известно, что они должны сохраняться, то супруги устраивали свою совместную жизнь и взаимоотношения таким образом, чтобы дети — даже во время войны — не заметили трещин в родительском союзе. И, значит, мы могли верить, что супружество — это на всю жизнь, что в его основе лежит настоящая любовь, которая никогда не кончается. Поэтому мы так беспорядочно заводили собственные семьи. Жили по студенческим общежитиям, рождалось много детей, носили их в ясли. Было тесно, нередко муж жил у своих родителей, а жена — у своих, так как ни у кого из них не было места, чтобы поселиться вместе. И всё-таки мы выходили замуж и женились, веря, что это большая любовь. Между тем в подобных условиях большая любовь быстро угасала. На первом курсе играли на свадьбу, а на последний иногда уже приходили разведенными. Сегодня молодежь тоже верит в большую любовь и очень хочет испытать ее в жизни. Но о семье думает более реалистично.

— Больше боятся?

— Да, потому что сами они обычно дети разведенных, но хотели бы завести семью без развода, навсегда, на всю жизнь. Так же, как и мы, — но у них нет той веры, которая была у нас. У них есть картина идеальной жизни, но есть и сознание тех препятствий, которые могут всё уничтожить. До войны мужчина «создавал условия» женщине: он обязан был обладать надежной профессией. Девушка могла поступить учиться, а могла и не поступать. Теперь и у женщин, и у мужчин одни и те же установки. В первую очередь выполнить минимальные условия: получить образование, работу, кредитоспособность, квартиру. Только потом они задумываются о вступлении в брак. Они знают, что пока что должны устроиться, а идеальная жизнь когда-нибудь им удастся либо не удастся. У них сильно развиты представления о всевозможных жизненных препятствиях.

— **Но вы ведь тоже поздно вышли замуж.**

— Я была исключением. Мне было уже 35 лет. С мужем мы сначала подружились, потом стали вместе жить и в конце концов вступили в брак. Тогда это было оригинально — сегодня это норма. Молодежь так сейчас и поступает.

— **Что для них важно?**

— Дружба. В системе их ценностей она стоит на первом месте, за ней — любовь, а потом, представьте себе, нравственность. Жить так, чтобы оба могли смотреть друг другу в глаза. На четвертом месте — семья, а деньги — далеко, где-то на 10-12-м месте. Молодежь завидует той дружбе на всю жизнь, которая была у их родителей, у дедов и бабушек. У людей, выраставших в ПНР, такая дружба была и сохраняется. Сегодняшняя молодежь может рассчитывать только на одного-двух друзей, да и это распадается. Не вследствие конфликтов, а очень просто: сколько времени люди вместе учатся или работают, столько и продолжается их дружба. А потом, когда они переходят на новое место, у них как-то не хватает времени и сил, чтобы об этой дружбе позаботиться. Они от этого страдают, но чувствуют себя беспомощными. Считают, что таковы законы современной жизни.

— **А вы, пани профессор, в чем-то им завидуете? Может, в том, что у них лучшие материальные условия, большее благосостояние? Вы же были этого лишены.**

— Нет, потому что я не люблю бизнес, не люблю деньги, не люблю морочить себе этим голову. Мы с мужем 44 года живем в одной и той же маленькой квартире возле Театральной площади, 49 квадратных метров, где мы занимаемся своей научной работой, и нам это никогда не мешало. Конечно, теперь я даже неплохо зарабатываю. Так уж сложилось, что я профессор, а на профессоров существует постоянный спрос, и у них имеются возможности подрабатывать. У меня есть пенсия, работа в Высшей школе социальной психологии, работа в университете, и я радуюсь этим деньгам только потому, что могу помочь дочери и внукам. При этом я обеспечена на случай болезни и инвалидности. Мы с мужем можем лечиться частным образом и нанять медсестру в случае тяжелой болезни. А самое главное, что с 1989 г. я наконец-то могу заниматься наукой так, как мне того всегда хотелось.

— **Что вам меньше всего нравится в нынешних временах?**

— Я человек нетребовательный. Не люблю думать ни о бытовых вещах, ни о повседневной жизни. И мне не нравится, когда на меня давят, чтобы с утра до ночи думать только о себе. Выбриты ли у тебя подмышки, есть ли у тебя тот или иной крем, занимаешься ли ты гимнастикой, наверное ходишь в тренажерный зал, какой холодильник ты себе купила? В эпоху культа потребления, а отчасти под воздействием телевидения и глянцевого журналов всё это стало общеобязательным, что меня раздражает. «Забиться о себе, думать о себе». А я терпеть не могу думать о себе и хочу, чтобы у меня это занимало как можно меньше времени. Всю одежду покупаю у себя подворотне, в маленькой лавочке в двух шагах от дома, по магазинам вообще не хожу — ну, разве что надо купить сапоги, в нашей подворотне их не продают. Но сегодняшний мир вызывает у меня скорее тревогу. Цивилизационные изменения, процессы глобализации, переход от социализма к капитализму, постоянное отсутствие экономической стабильности и кризисы, через которые мы сейчас проходим, приводят к тому, что я со страхом думаю о мире, в котором предстоит жить молодежи. Зачастую не они решают, какова будет их жизнь. Зато, если говорить о них самих, то мне нравится нынешняя молодежь. Она, мне кажется, открытая, думающая, непосредственная, естественная, и не поглощена ложью и лицемерием.

— **Жалете ли вы о чем-либо?**

— В жизни? (пауза) Нет, пожалуй, нет.

— **А вы никогда не думали, что ваша жизнь могла пойти иначе?**

— Ну да, я всегда жалела, что Польша очутилась в орбите СССР, и завидовала французам, бельгийцам, англичанам, что они были от этого избавлены. Я очень плохо чувствовала себя при коммунизме, но если б уехала, скажем во Францию, то стала бы там чужой, иностранкой, а я не хотела оказаться в положении эмигрантки. Меня интересовала Польша, поляки, страна, которую я хорошо знала. Во времена сталинизма, когда социологию ликвидировали, я сделала больше всего записей о повседневной жизни. Ходила по Варшаве, по кофейням, по рабочим общежитиям, подолгу просиживала на вокзале, иногда даже по ночам, и слушала, что говорят люди. Я считала себя частным социологом. Мои амбиции сводились к тому, что даже тогда я хотела делать то, что мне нравится. Многие годы я писала «в стол». И мой «стол» был забит материалами, из которых после 1989 г. смогли возникнуть книги. Я никогда не испытывала честолюбивого желания стать кем-то великим — хотела только, чтобы внутренне жилось интересно. И это у меня получилось. Сегодня мне было бы в этом смысле легче, так как, невзирая на давление всяких мод, человек может выбрать свой стиль жизни. Помимо умственного труда, я могла бы действовать в общественной сфере, что было невозможным в казарменно организованной жизни, присущей коммунизму. Свобода выбора, которая теперь все-таки имеется, — это для меня большая ценность (пауза). Есть еще кое-что, о чем я жалею, — что у меня только одна дочь, а больше детей не было. На тех сорока с чем-то метрах мы не могли завести большую семью, тем более что оба работаем дома. Но этого мне жаль, хотелось иметь много детей — четверых-пятерых, как можно больше.

Беседу вела Беата Новицкая

*

* *

Проф. Ханна Свидя-Земба — социолог и педагог. Преподает в Варшавском университете и в Высшей школе общественной психологии. В 1991-1993 гг. — судья Государственного трибунала. Автор ряда книг, в т.ч. «Человек внутренне порабощенный», «Прерванный полет» (в которых она анализировала позиции и взгляды поляков по отношению к сталинизму), «Молодежь в новом мире», «Экзистенциальные ценности молодежи 90-х годов». Многие ее книги возникли на основании записей, делавшихся в сталинские времена; сейчас она работает над книгой о поколении молодежи ПНР. Ее называют антифеминисткой, так как, по ее словам, нетерпимость она испытывала в первую очередь со стороны женщин, которые всегда ее критиковали и пытались заставить стать «настоящей женщиной». Жена профессора логики Здислава А. Зембы, у них дочь Иоанна и трое внуков.

4: СТИХОТВОРЕНИЯ

Смешение языков

Смешение языков, украинского, польского, русского.

Всеобщая молитва по-польски, псалом по-украински,
по-русски кредо. Рыжий парень, паулин,
с искрами радости в горящих раскрывшейся жизнью глазах,
воздевает руки в храме,
что ещё недавно был музеем атеизма.

Начало XXI века. Каменец-Подольский отдыхает,
окутанный дымкой седого известняка и небом
прозрачного тосканского цвета. Ленивый, разогретый живым
сиянием Смотрич не хочет нести свои воды к Днестру,
он парит зеленоватым облаком над ищущей тени
кобылой и жеребёнком.

Бедные люди за длинным столом делят сладкую булку.

Среди них на почётном месте — дни, о которых им не хочется помнить.

Бедные люди и их задумчивые дети со взрослыми лицами.

Сегодня они просили о многом. О здравии Юзефы,
о счастье Ирины и Григория.

А ещё молились о возвращении Франции, Первой Дочери,
к Римской Матери. Прежде чем проститься, они благодарят
за совместное пение и бережно собирают крошки.

* * *

В аду и в небе жёсткие, серые дороги,
сожжённые рукописи, прах развеянных слов.

Во сне и в молчании нет ни тайны,
ни письмён, толпа молча ждёт.

В крови и в молитве любовное забытьё,
непрестанное ожидание, замкнутое время.

В глубине и в изгнании, на дальней земле,
нагие фигуры осуждённых на вечные муки мерцают, как города.

Чернозём

М.В.

Во время паломничества их любовь питали недвижные воды
Днестра, этой реки без истоков и устья, реки без границ
в пограничной стране, открытой, как низовая мгла,
лежащая в топкой пойме.

Цвета питали их сердца, проникали в их кожу,
слюну, желудки и печень:

сине-зелёный космос равнины вокруг Подгорцев, стадо гусей,
коринфские колонны, вырастающие в лугах среди
покосившихся лачуг,

червонно-золотое григорианское пение гниющего мусора и щебня
заполнившее до свода доминиканские кельи
в белом, словно дух Гамлета, Каменце-Подольском.

Серело, забыв о своём дыхании, пространство,
которого не охватит ни строфа поэта-пророка, ни молитва,

ни проклятье,
бессильно чернели бесконечные
голодные нивы несжатого ячменя и ржи,
в темноте смутно маячил выцветший силуэт мужчины,
влекущего через пустошь порожнюю деревянную тачку.
А над сердечной излучиной горизонта
сверкал всеми красками поднебесный хоровод
бессмертных детей
Волыни и Подолья,
танцующих в компании жаворонков, кузнечиков и шмелей.

Туманы, жнивье

Землю, вне всяких сомнений плоскую,
ограничивает лишь малиновая киноварь заиндевелых облаков
да отдалённая литания океана.
Поезд бездвижно застыл среди невнятного пения
молодых лесов Мазовии.
В его замерших недрах колеблются только веки
спящей женщины. Ни миндальные ладони, ни прозрачная кожа
не могут заслонить сердца нерождённых детей,
которые плотно заполняют её тело.
Я просыпаюсь с сердечной болью моих детей.
Вокруг монотонное дыхание пассажиров. Их восковые фигуры
тускнеют, маячат в коридорах, в купе, исчезают
в тени рядом с железнодорожной насыпью.
Мы никогда не поедem дальше,
ни в город В., ни куда-то ещё.
Поезд заносит — серым снегом? песком?
Земля померкла, покрылась дрожащим пеплом.
Иступлённо, яростно она обрушивается вглубь себя,
превращаясь в ветер, в глухой свист
проводов высокого напряжения, в сон тяжёлого
дыма, в рыданье запертых вокзалов.

Да, я чужой

Рука палача на миг застынет,
тюрьмы превратятся в санатории,
зоны в заповедники,
сдвинутся на миг границы государств,
вернутся народы на реки свои,
города поменяют названия,
конституции — текст,
люди — имена и лица,
языки — поэтов,
солдаты на миг вонзят карабины штыками в землю,
полицейские выйдут на демонстрацию против насилия,
слезоточивый газ рассеется,
поднимется железный занавес,
— чтоб в этот миг ослепительной тишины
ты мог окинуть взглядом всю свою жизнь,
короткую, честную жизнь — затяжной
выстрел
в затылок.